

А. А. Ермичёв

**«РУССКИЙ РЕНЕССАНС», «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»:
ОБЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО, НАЧАЛА,
ГРАНИЦЫ, СБЛИЖЕНИЯ...¹**

Мое выступление едва ли можно строго назвать докладом. Оно, скорее, сообщение о некоторых сюжетах серебряного века, еще не ставших особым предметом внимания наших исследователей. Хотелось бы проследить историю именований «русский культурный ренессанс», «русский духовный ренессанс», «серебряный век» и попытаться ограничить их, провести между ними границы, а, в связи с этим указать на некоторые важные аспекты реальной истории этого явления.

При подготовке своего сообщения я ближайшим образом опирался на статьи С. С. Хоружего², британской исследовательницы Аврил Пайман «Русские символисты и Возрождение», публикуемой в настоящем журнале, и Б. Н. Тарасова, выступление которого находится в глубокой содержательной перекличке с нею.

Русский Ренессанс начала XX в. был явлением сложным, что определяет некоторую нашу растерянность при попытке его определения. Одна исследовательница сказала очень хорошо: «Собирать “серебряный век” воедино так же тяжело, как и утекшую воду»³. Известно и то, как различны его оценки. Восторженное отношение к Ренессансу соседствует с его жестким осуждением, например, у Н. Мандельштам⁴.

¹ Статья написана по материалам выступления на конференции «Рациональность и вера как основания русской философии Серебряного века», организованной кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (ИНЖЭКОН) 29–30 марта 2012 г.

² Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии.— 1994.— № 11; Тарасов Б. Н. Новый Ренессанс или ускоренный апокалипсис? // Литературная учеба.— 2006.— № 6.

³ Рылькова Г. На склоне Серебряного века // Новое литературное обозрение.— 2000.— Кн. 46 (6).— С. 239.

⁴ Во «Второй книге» (М., 2006, С. 108) она пишет: «Петербург <...> всеми течениями десятих годов демонстрировал различные виды отпадения от христианства, а сам город своею судьбой показал, что именно ему первому суждено расплатиться за ход истории».

Всего удивительнее, что некоторые авторы даже отрицают его существование. Об этом мы могли прочитать в книгах Б. Ф. Пустарнакова и Омри Ронена⁵.

Не будем обсуждать эти радикальные заявления, но вот что касается терминов, обозначающих обсуждаемое явление, то в них следует разобраться. Последуем совету Френсиса Бэкона. Надеюсь, это поможет нам понять и сущность самого явления.

Мы знаем, что после некоторой апатии восьмидесятых годов, прерванной голодом 1891 г. русское общество зашевелилось; стала появляться какая-то общественная инициатива. Произошло это не только по причине недовольства беспомощностью государственного аппарата перед ужасным ликом голода, но и по множеству иных причин: капиталистического «взросления» России и начала политической дифференциации в обществе, появления новой, выросшей уже после отмены крепостного права, интеллигенции — «нового просвещенного меньшинства» «русских европейцев»⁶, ветры *Fin de siècle* с Запада, наконец, окрепшая со времени Достоевского, Толстого и Соловьева религиозно-метафизическая потребность русских людей. Стали жить надеждой на новые зори. «Пожаром склон неба объят... / И вот аргонавты нам в рог отлетаний / трубят... / Внимайте, внимайте... / Довольно страданий! / Броню надевайте / из солнечной ткани! <...> «За солнцем, за солнцем, свободу любя, / умчимся в эфир / голубой!..»

Можно назвать того, кто первым произнес слово «Возрождение», относя его к своему времени. Им был Д. С. Мережковский. Еще в своих лекциях конца 1892 г. «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» он заявил, что его поколению «дана радость, едва ли не единственная на земле, ему дано увидеть самый ранний Луч, почувствовать трепет новой жизни, первое веяние великого будущего»⁷.

В 1896 г. в «Пушкине» он находит нужное всем слово — Возрождение. «Пушкин первый доказал, что в глубине русского мирозерцания скрываются великие задатки будущего Возрождения — той духовной гармонии, которая для всех народов является самым редким плодом тысячелетних стремлений»⁸. Найденное слово и обозначимся им цель как нельзя лучше выразили психологию ожидания и новационного действия, свойственную людям 90-х гг. Сам Мережковский, уже вошедший в «новое религиозное сознание», соотносит русское Возрождение — по его словам — с «первым подготови-

⁵ Б. В. Пустарнаков в исключительно ценном исследовании «Университетская философия в России. Идеи, персоналии, основные центры» (СПб., 2005) замечает: «Мы исходим из того, что ни “серебряного века”, ни “религиозного или философского ренессанса” в том возвышенном смысле, который вкладывается в эти термины, вообще не было в конце XIX — начале XX века...» Омри Ронен надеется на то, что его книга «Серебряный век как умысел и вымысел» (М., 2000, С. 30) «убедит читателей и филологов изгнать из чертогов российской словесности бледный, обманчивый и назойливый призрак обозначаемого им (т. е. термином “серебряный век” — А. Е.), но не существовавшего в XX столетии историко-литературного явления».

⁶ «Относительное “замирение” позволило русским людям после эпохи великих реформ, завершившейся царевубийством, “собраться мыслями”, другими словами — культурно вырасти. Интеллигенция, так или иначе отошедшая от простоватого радикализма “отцов”, выделила просвещенное меньшинство, которое стало мыслить о России по-новому, полюбило ее имперское прошлое — петербургское европейство наше, культурное наследие русского ученичества у Запада...» (Маковский С. К. На Парнасе серебряного века. — М., 2000. — С. 19)

⁷ Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — М., 1995. — С. 560.

⁸ Там же. С. 515.

тельным Возрождением — от Рафаэля до Гете и Ницше. Он риторически вопрошает: «Не свершится ли на Востоке второе и окончательное, не языческое, а христианское Возрождение, которое найдет Святую Плоть, потому что будет сознательно искать ее уже в самом христианстве?»

Здесь же поэт и правдоискатель отвечает: «Кажется, второе Возрождение это и начинается, действительно, ежели не в самой русской церкви, то около нее и близко к ней, именно в русской литературе...»⁹

Первые практические шаги навстречу второму Возрождению Д. С. Мережковский и его ближний круг сделали в марте 1901 г. так называемым «богослужением» в их «Новой церкви». Но только этим их инициатива не ограничилась. В ноябре того же года начались Религиозно-философские собрания, сегодня оцениваемые как первый большой шаг к «религиозной общественности». Свой знаменитый доклад В. П. Тернавцев завершал словами о «начале религиозно-общественного возрождения России»¹⁰.

В это время слова «возрождение» и «ренессанс», видимо, были уже широко употребляемы. Например, А. А. Блок в письме отцу от 30 декабря 1903 г. характеризует состояние литературного движения в России как «истинный Ренессанс»¹¹. В. Я. Брюсов вполне в духе Мережковского и даже ссылаясь на его книгу о Толстом и Достоевском так характеризует «новое миропонимание» у русских начала XX в.: «Наше время <...> научилось чтить телесное, прозрев в нем такие же глубины, как в духовном»¹², что, дескать, роднит его с эллинами и эпохой Ренессанса.

Еще важнее следующая стадия в истории этого термина, когда его стали использовать экс-марксисты, одни из инициаторов кадетской партии и, по выражению З. Н. Гиппиус, «еще слишком эсдеки», С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев. Приступив к руководству журналом с большими общеполитическими амбициями — «Вопросы жизни» — они перевели использование термина «Ренессанс» с литературно-публицистического и религиозного уровня на уровень социально-политический¹³. Это прослеживается по программным статьям его редакторов. Например, С. Н. Булгаков прямо говорит о четырех великих задачах, стоящих перед Россией: политическом раскрепощении, экономическом возрождении, культурном ренессансе и церковной реформе¹⁴. Н. А. Бердяев писал о том же: «Осуществление нашей столетней политической мечты должно быть связано с великим культурным и религиозным ренессансом России <...> Мы ставим своей целью не только элементарное освобождение, но и ренессанс культурный, создание культуры на почве обновленного религиозного сознания»¹⁵.

⁹ Там же. С. 154.

¹⁰ Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903).— М., 2005.— С. 119.

¹¹ См. Письма Александра Блока к родным.— Т. 1.— Л., 1927.— С. 98.

¹² Брюсов В. Я. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии.— М., 1990.— С. 114.

¹³ По уверениям Н. А. Бердяева журнал должен был соединить религиозно-метафизическую устремленность духовного ренессанса не только с «новыми течениями в литературе», но и с «политикой левого крыла Союза освобождения» и даже «более свободных социалистов». См. шестую главу бердяевского «Самопознания».

¹⁴ Булгаков С. Н. Без плана. Несколько слов о задаче журнала // Вопросы жизни.— 1905.— № 2.— С. 358.

¹⁵ Бердяев А. Н. Дневник публициста. Культура и политика. К философии русской истории // Вопросы жизни.— 1905.— № 3–4.— С. 333.

Для многих становилось до обыденности ясно, что мы живем во времени вхождения в новый ренессанс. Один из петербургских философов и публицистов начала века Л. Галич (Л. Е. Габрилович) заметил: «В любой газете вы прочтете о том, что Европа зацвела ренессансом, и если вы сочтете осведомиться, в чем же состоит этот ренессанс и в чем его отличие от того, о котором нас учили в истории, то вам ответят веско и убежденно, что как раньше возродилось язычество, так ныне возрождается религиозность, и как раньше воскресала античность, так нынче воскрешают романтику»¹⁶.

Характерной чертой нашего ренессанса стала его нараставшая национализация или, если хотите, славянофилизация. Это тем интереснее, что первоначальными его истоками были европейские влияния — европейский декаданс, философия Ницше, марксизм. С. Л. Франк в пику славянофильствующему народничеству вообще определял марксизм девяностых годов в качестве последовательного западничества. Но поскольку марксизм воспринимался русскими душами, зараженными бациллами славянофильства, то в 1901 г. Струве размышляет об истинном национализме, Булгаков печатает ряд статей национальной русской направленности, а Бердяев — о новом русском идеализме. Эта тенденция закрепилась после русско-японской войны и первой революции, когда Россия снова сделала некий рывок в экономическом и социально-политическом пространстве. Свидетельством нарастания такой тенденции стали сборник «Вехи», полемика В. Ф. Эрн с журналом «Логос», декларация книгоиздательства «Путь». Усилившаяся национализация ренессанса в первые месяцы Мировой войны достигает высокого градуса противопоставления русского логизма и немецкого меонизма; речь идет, разумеется, о блистательном и совершенно громоподобном выступлении Эрн «От Канта к Круппу».

Правда, за годы культурного ренессанса славянофильствующий полюс его как-то уравновешивался русским «неозападничеством» (авторы «Очерков реалистического мировоззрения», идеалисты из «Логоса» и «Мускет», богостроительство, какие-то варианты рационального философствования), но славянофильский «гром победы раздавайся» очевидно доминировал в общественном сознании; «неозападники» занимали скорее оборонительные позиции, хотя и делали храбрые вылазки в стан противника (например, философская публицистика В. А. Базарова или Б. В. Яковенко).

Теперь мы переходим к такому сюжету, на который обращают внимание Аврил Пайман и Б. Н. Тарасов. Дело в том, что на начало 1920-х гг. мы обнаруживаем резкую неприязнь творцов нашего ренессанса к Ренессансу как таковому, то есть взятому в конкретно-историческом проявлении романского Возрождения XIV–XVI вв., особенно к его последствиям в сфере культурной и нравственной жизни. Аврил Пайман отмечает, что просто пошел поток антиренессансной литературы — Андрей Белый, Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов, П. А. Флоренский; ее список можно дополнить сборником Освальда Шпенглера «Закат Европы», «Перепиской из двух углов» М. О. Гершензона и Вяч. Иванова и совершенно блестящим романом Ф. А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста». Здесь автор уверяет, что в дни всеобщего ужаса для понимания происходящего нужно отказаться от разума, стать безумным.

Названная литература сопротивляется ренессансной апологии самодостаточного человека, который всем своим разумом, волей и техникой утверждает в качестве

¹⁶ Галич Л. О религиозной романтике // Русская мысль.— 1908.— № 4.— С. 11 (вторая пагинация).

господина мира, созданного Творцом¹⁷. В принципе такого поворота оптимистического, поначалу, мировосприятия нашего ренессанса можно было ожидать. Нарастание безумного ритма истории откликлось нарастанием религиозной составляющей в таком мировосприятии. Если сначала эта составляющая была окрашена цветами «нового религиозного сознания», то к двадцатым годам они становятся конфессионально православными.

Поэтому изменяется отношение к историческому Ренессансу. Н. А. Бердяев подходит к нему, по-разному оценивая его этапы. Он с глубоким удовлетворением говорит о «раннем Ренессансе мистической Италии, в начале которого заложены пророчества Иохима из Флориды, святость Франциска Ассизского, гениальность Данте» и живопись Джотто¹⁸.

Состоявшееся движение русской мысли к «новому средневековью» от «нового религиозного осознания», так состоявшееся подытоживание ренессанса понуждает к различению понятий «русский духовный ренессанс» и «русский культурный ренессанс».

При этом самым емким по содержанию является второе понятие, обнимающее собою весь круг культуры конца XIX–первой четверти XX в.. К нему, к этому кругу мы отнесем очень развитую инфраструктуру культуры¹⁹ (множество самых различных научных, философских, религиозных, философских, литературных, художественных, музыкальных и иных кружков, обществ и объединений, периодика, издательское дело и др.), высокое качество философских исканий того времени, частично поместившихся в пределах религиозной философии, идеализма (в частности неокантианства), марксизма и марксистствующего позитивизма (А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др.²⁰) и феноменологических устремлений. Здесь, в культурном ренессансе, располагаются не только символизм и акмеизм, но и новый реализм, а помимо того, авангардные образования и т. д. Ренессанс переживала не только культура, осененная великими именами Д. С. Мережковского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. Б. Струве, братьев С. Н. и Е. Н. Трубецких и о. Павла Флоренского, но и вся светская культура.

Отношения между ними были сложными, но взаимно плодотворными. Один из исследователей справедливо указывает, что изъять «смешение и взаимопереходы магизма, эротики и мистики из Серебряного века попросту невозможно (он просто рассыпается, перестанет существовать как единое целое)...»²¹. А изымать из него «Логос» и неокантианство можно? А богостроительство? А марксистов и марксистствующих позитивистов? И т. д. Не нужно ли прислушаться к Бердяеву: «Русский культурный ренессанс обнаружил отсутствие единства в русской культуре... Что общего было между культурой ренессанса, о которой я сейчас вспоминаю, и русского “просвети-

¹⁷ См. обстоятельные статьи М. Хагемайстера «Новое средневековье Павла Флоренского» в сб. «Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2003 год» (М., 2004) и С. М. Половинкина «“Новое средневековье” священника Павла Флоренского» в журнале «Россия XXI век» (№ 9 за 2006 г.).

¹⁸ Бердяев Н. А. Смысл истории. — М., 1990. — С. 100.

¹⁹ Об этой инфраструктуре хорошо рассказывает Б. В. Яковенко в статье «О положении и задачах философии в России». См. Яковенко Б. В. Мощь философии. — СПб., 2000.

²⁰ См. Ермичев А. А. Реализм марксистствующего позитивизма в сб. «Философия социализма. Из истории русской мысли» (СПб., 1997).

²¹ Нехотин В. С. К. Маковский и серебряный век // С. К. Маковский на Парнасе серебряного века. — М., 2000. — С. 12.

тельства», культурой П. Милюкова или Г. Плеханова»?²² Но ведь и разные стороны предполагают у них что-то общее?

Итак, «русский духовный ренессанс» — это и есть «русский духовный ренессанс», имевший своей непосредственной предысторией Достоевского, Соловьева, Федорова и Толстого. Отвлечемся от вопроса о том, насколько происходившее было религиозным Возрождением или только «христанообразным» (Н. А. Бердяев) или «духоверческим» (Ф. А. Степун). Ясно, что «русский духовный ренессанс» был, выражаясь геометрически, сектором «русского культурного ренессанса», а в каких-то отношениях, может быть, и средоточием его (выражаясь на этот раз языком медицины).

Что касается «Серебряного века», то это имя наиболее адекватным образом используется в двух случаях. В первом — когда им обозначается состояние литературы того времени. Это вполне отвечает намерению Н. А. Оцуа, предложившего его «для характеристики модернистической русской литературы»²³. Второй случай — когда им называют эпоху 90-х — 900-х годов, быть может, «растягивая» ее до знаменитого постановления ЦК РКПб «О политике партии в области художественной литературы».

Сложной, неустановившейся была ситуация с самопознанием культуры этого времени. Если представители светской культуры прямо заявляли себя преемниками литературных, художественных и мировоззренческих традиций, связанных с освободительным движением, то духовный ренессанс столь же прямо говорил о возрождении культуры, о ее принципиально новом этапе, начавшемся после периода ее упадка. Д. С. Мережковский в уже упомянутых лекциях «О причинах упадка» находил, что «великое и плодотворное движение 60-х годов» сопровождалось утилитарной и позитивной трезвостью, отрицанием красоты и поэзии и презрением к вопросам религии и христианской нравственности²⁴.

С. С. Хоружий выделил два толкования терминов «возрождение», «ренессанс». Они означали или восстановление культуры после ее упадка, или ситуацию, когда «новая культура соотносит себя как с образцом с одной из прежних культур ли культурных эпох...»²⁵

В серебряном веке в ходу были сразу и первое и второе толкование. Творцы духовного ренессанса возрождали культуру, равняясь на 30–40-е гг. с их идеализмом и религиозностью. Так воспринимали свою повседневную культурную работу Н. А. Бердяев, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, П. П. Перцов, Г. И. Чулков, С. Л. Франк, Г. Г. Шпет и, возможно, другие.

Такое «скромное» Возрождение не устраивает С. С. Хоружего. Ссылаясь на Ф. Ф. Зелинского, А. К. Топоркова (далеко не самых значащих авторов того времени) и на Вяч. Иванова, он настаивает, что наш Ренессанс «имел своей сущностью именно славянское Возрождение», следующее за первым — романским и Вторым — германским. «Славянское Возрождение — это действительный замысел Серебряного века о себе самом»²⁶.

²² Бердяев Н. А. Собрание сочинений. — Т. 3. — Paris, 1989. — С. 697.

²³ Оцуа Н. А. Океан времени. — СПб.; Дюссельдорф, 1993. — С. 549.

²⁴ См. Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — М., 1995. — С. 559.

²⁵ Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии. — 1994. — № 11. — С. 53.

²⁶ Там же. С. 56.

Приписывание нашему Ренессансу такой сути совсем не бесспорно. Как его согласовать с контр-Ренессансным настроением тех же авторов в начале 20-х годов? Как экстраполировать на весь Духовный ренессанс позицию трех, названных С. С. Хоружим авторов? Почему бы не услышать других творцов Ренессанса, например, Н. А. Бердяева из «Пути» 1912 года, где ни о каком античном образце никто не заговаривал. Н. А. Бердяев считает, что «зрелое национальное самосознание» (что путейцы считали своей главной задачей) «прежде всего утвердит в национальной плоти и крови вселенские начала Христовой правды и всечеловечность миссии России»²⁷.

В те же двадцатые годы глубокого разочарования в гуманизме Ренессанса, разочарования, порожденного катастрофами войн и революции, нашлись люди совсем не из большевистской лагеря, которые снова заговорили о новом Возрождении, новом творческом приступе к освоению античности. Но эти люди — каждый по-своему связывают новый Ренессанс с народной большевистской революцией.

Трудно сказать, что за соображения были у кружка философов-классиков под руководством Ф. Ф. Зелинского, которые в дни октября создали «Союз Третьего Возрождения», веря в скорое наступление Русского ренессанса и «окончательную и высшую интеграцию современным миром эллинской концепции жизни». Зато определенно просоветскими или почти просоветскими соображениями руководствовались Г. Г. Шпет и П. П. Сувчинский.

Г. Г. Шпет, как и А. А. Блок, определенно был захвачен «музыкой революции». В «Эстетических фрагментах» (январь 1922 г.) он почти ликует: «Мы — первые низверженные — взносимся выше других, быть может, девятым и последним валом европейско-всемирной истории. Ныне мы преображаемся, чтобы начать, наконец — надо верить! — свой европейский Ренессанс»²⁸. Здесь же, во «Фрагментах», он восклицает: «Европа началась с Греции! Начнем ли мы быть Европой?»

В «Предисловии» к «Очеркам развития русской философии» эти идеи получили у автора свое интересное продолжение. Г. Г. Шпет не может игнорировать факт революции. Это понятно. Она же — с одной стороны — означает гибель интеллигенции, которая ее выносила, но, с другой стороны, задача новой, постреволюционной интеллигенции заключается в том, чтобы понять революцию как «преддверие нового синтеза». Смерть старой интеллигенции станет «заветом нового восхода», не «восстановления и реставрации», а «Возрождения как реального нового бытия в строгом смысле исторической категории Ренессанса»²⁹. Поразительно, как смело он говорит о «живой церкви»: «Я думаю, что это событие может иметь крупное значение, настолько крупное, что его следовало бы стать обнять и понять в еще более широком захвате, чем русская только культура. Это — факт, который не может иметь значения для всей угасшей и истлевающей христианской культуры»³⁰.

Еще более поразительно, что цитируемое предисловие помечено 17 августа 1922 г. на другой день после состоявшегося в ночь на 16 августа «отлова» «антисоветской» интеллигенции для последующей ее депортации в Европу.

Другим автором, прозревавшим новый Ренессанс в большевистской революции, был П. П. Сувчинский. В 1926 г. в парижском журнале «Версты» он опубликовал статью

²⁷ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. — М., 2001. — С. 182.

²⁸ Шпет Г. Г. Сочинения. — М., 1989. — С. 355.

²⁹ Там же. С. 15.

³⁰ Там же. С. 16.

«Два ренессанса». Обычно мы приписываем заслугу введения понятия «ренессанс» для научного изучения культурного взрыва 90–900-х годов Н. А. Бердяеву. Но она принадлежит П. П. Сувчинскому, а Н. А. Бердяев первый раз применил этот термин в 1928 году в статье «Русская религиозная мысль и революция», помещенной опять же в «Верстах».

П. П. Сувчинский не только назвал «Ренессансом» состоявшиеся события, но и аккурратно их перечислил: «Вл. Соловьев, С. Н. Трубецкой, Лопатин, Лосский, З. Гиппиус, Розанов, Блок, Белый, Ремизов, Флоренский, Каринский, Тареев, Несмелов, Зарин, Ал. Бенуа, «Мир искусства», «Символизм», «неославянофильство», И. Ф. Стравинский, А. Д. Кастальский...»³¹

Статья посвящена не пережитому Ренессансу и только указывает на неведомый будущий... Она — об условиях возможности грядущего ренессанса, о загадке русского развития, каком-то его законе, «согласно которому кризисы и катастрофы неизменно совпадают в нем с началом ренессансных процессов, срывая их эволюционную планомерность...»

В совершенно евразийских параметрах оценивая революцию и советское время, он находит среди их результатов «подвижность и зыбкость русской социальной массы», достигших — для Сувчинского это принципиально важно — степени кочевья. По убеждению автора, кочевая психология и настроенность этой массы, подвергнутые воздействию «советского организационизма» обещают в будущем «совершенно исключительное по силе и внутренней значительности духовно-социальное движение... На этих началах и будет основываться новый русский ренессанс 920-х годов»³².

В серебряном веке, как и в любом проявлении по-настоящему революционной эпохи, обнаруживается великое множество контарверз и странных сближений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков.— М., 2001.— С. 182.
2. Бердяев Н. А. Дневник публициста. Культура и политика. К философии русской истории // Вопросы жизни.— 1905.— № 3–4.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории.— М., 1990.
4. Бердяев Н. А. Собрание сочинений.— Т. 3.— Paris, 1989.
5. Брюсов В. Я. Среди стихов.
6. Булгаков С. Н. Без плана. Несколько слов о задаче журнала // Вопросы жизни.— 1905.— № 2.
7. Галич Л. О религиозной романтике // Русская мысль.— 1908.— № 4.
8. Ермичев А. А. Реализм марксистствующего позитивизма // Философия социализма. Из истории русской мысли.— СПб., 1997.
9. Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903).— М., 2005.
10. Маковский С. К. На Парнасе серебряного века.— М., 2000.
11. Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники.— М., 1995.

³¹ Сувчинский П. П. Два ренессанса (90-е — 900-е и 920-е годы) // Версты.— 1926.— № 1.— С. 136. Как в число творцов Ренессанса попала фамилия Зарина мне непонятно.

³² Там же, с. 137.

12. Нехотин В. С. К. Маковский и серебряный век // С. К. Маковский на Парнасе серебряного века.— М., 2000.
13. Омри Ронен. Серебряный век как умысел и вымысел.— М., 2000.
14. Оцуп Н. А. Океан времени.— СПб.-Дюссельдорф, 1993.
15. Письма Александра Блока к родным.— Т. 1.— Л., 1927.
16. Половинкин С. М. Новое средневековье священника Павла Флоренского // Россия XXI век.— № 9.— 2006.
17. Пустарнаков Б. В. Университетская философия в России. Идеи, персоналии, основные центры.— СПб., 2005.
18. Рылькова Г. На склоне Серебряного века // Новое литературное обозрение.— 2000.— Кн. 46 (6).
19. Сувчинский П. П. Два ренессанса (90-е — 900-е и 920-е годы) // Версты.— 1926.— № 1.— С. 136.
20. Тарасов Б. Н. Новый Ренессанс или ускоренный апокалипсис? // Литературная учеба.— 2006.— № 6.
21. Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии.— 1994.— № 11,.
22. Хоружий С. С. Трансформация славянофильской идеи в XX веке // Вопросы философии.— 1994.— № 11.
23. Шпет Г. Г. Сочинения.— М., 1989.
24. Яковенко Б. В. О положении и задачах философии в России // Яковенко Б. В. Мощь философии.— СПб., 2000.